Изъ разсказовъ дѣдушки.

I. ѢЗДА НА ИЗВОЗЧИКѢ.

Я помню своего дѣда уже очень пожилымъ генераломъ въ отставкѣ. Это былъ добрый старикъ, полный силъ и энергіи, интересовавшійся всѣмъ и отличавшійся большимъ юморомъ и веселымъ характеромъ. По привычкѣ всѣхъ старѣющихъ людей дѣдушка бранилъ наше время и съ восхищеніемъ вспоминалъ свое. Мы терпѣливо слушали нападки на „нынѣшнюю молодежь“ и „нынѣшнее время“, зная, что потомъ начнутся воспоминанія, а это мы страшно любили.

Однажды, помню, дѣдушка пришелъ съ прогулки очень разсерженнымъ. Онъ обыкновенно ходилъ гулять два раза въ день и довольно много, чѣмъ возбуждалъ удивленіе всѣхъ; какъ сейчасъ вижу его стройную, несмотря на годы, фигуру въ офицерскомъ сѣромъ пальто, его твердую неторопливую походку, когда онъ шелъ по улицѣ, размахивалъ толстой желѣзной тростью, которую всегда носилъ. Первый разъ онъ выходилъ утромъ и затѣмъ во второй разъ передъ обѣдомъ, часовъ въ пять—„для возбужденія аппетита“, какъ онъ говорилъ. Но въ описываемый мною день аппетитъ не только не былъ возбужденъ, а даже совсѣмъ испорченъ дурнымъ настроеніемъ дѣда. Онъ за обѣдомъ все ворчалъ и мало ѣлъ.

— Нѣ-ѣтъ, прошло наше время,—говорилъ онъ,—теперь такая распущенность пошла, что смотрѣть грустно... Хоть возьмемъ сегодня; пошелъ я гулять, перехожу улицу, смотрю: мимо меня катитъ каляска. Я остановился; гляжу—-сидитъ въ коляскѣ мальчишка-юнкеръ, мнѣ козыряетъ, а въ это время меня всего чуть ли

не съ ногъ до головы грязью обдало... А? каково? какой-то молокососъ меня, генерала, грязью забрызгалъ! Да въ мое время за это прямо въ арестантскія роты послали бы!.. Помню я, сколько промучился, сколько страху натерпѣлся и сколько потерялъ по службѣ только потому, что проѣхался разъ на извозчикѣ...

Дѣдушка задумался, а мы притихли, въ ожиданіи разсказа. Наконецъ кто-то изъ насъ сказалъ:

— Разскажи, дѣдушка, что съ тобой случилось...

— Разскажу, разскажу—возразилъ дѣдъ, поднявъ голову,—вамъ даже это поучительно будетъ послушать.

Онъ на минуту замолчалъ и затѣмъ началъ.

— Въ концѣ 1831 года я былъ привезенъ изъ родительскаго дома въ Петербургъ, гдѣ долженъ былъ держать экзаменъ для поступленія въ военную службу, какъ тогда полагалось каждому сыну дворянина; экзамены я сдалъ хорошо и былъ принятъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ съ зачисленіемъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ. Мнѣ тогда было не полныхъ 16 лѣтъ.

— Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ была на другомъ положеніи, чѣмъ остальныя существовавшія въ то время военно-учебныя заведенія: какъ-то: кадетскіе корпуса, Пажескій, Морской, Дворянскаго полка корпусъ. Мы, подпрапорщики и юнкера, числились на дѣйствительной службѣ въ полкахъ, къ которымъ были причислены, такъ что въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ напр. въ полковые праздники, или во время парадовъ, насъ вытребовали въ полки, и мы размѣщались въ строю въ числѣ всѣхъ прочихъ унтеръ-офицеровъ полка. Въ остальное же время мы жили въ школѣ, гдѣ обучались наукамъ и фронту. Требованія къ намъ предъявлялись громадныя. Въ два года, что мы оставались въ школѣ, мы, не говоря ужъ о наукахъ, должны были постичь во всѣхъ тонкостяхъ строевую службу. Офицеръ, только-что выпущенный изъ школы въ гвардію, долженъ былъ знать обязанности не только младшихъ офицеровъ, но и старшихъ, какъ напр. ротнаго командира и даже самого командира батальона... И будьте увѣрены, что юный подпрапорщикъ это зналъ, потому что, прежде чѣмъ быть произведеннымъ въ офицеры гвардіи, онъ подвергался испытанію самимъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

— Его Высочество былъ въ то время командиромъ гвардейскаго корпуса и не пропускалъ ни одного представленія о производствѣ подпрапорщиковъ и юнкеровъ въ офицеры въ гвардію безъ смотра и личнаго испытанія въ знаніи военной службы. На подобный экзаменъ всѣ шли, какъ на страшный судъ. Для этого смотра приво-

дили въ Михайловскій манежъ одинъ изъ гвардейскихъ батальоновъ въ полномъ составѣ и въ полномъ числѣ рядовъ тогдашняго трехшереножнаго пѣхотнаго строя. Великій Князь поочередно ставилъ подпрапорщиковъ на мѣста офицеровъ въ батальонѣ командовать взводами, ротами и поочередно одного изъ подпрапорщиковъ назначалъ командиромъ батальона. И вотъ тутъ-то начинался экзаменъ въ полномъ знаніи строевой пѣхотной службы: какъ командовать частью, какъ умѣть сноровить при эволюціяхъ и построеніяхъ и въ особенности при тогдашнихъ деплояхъ, которыя въ наше время производились съ замѣчательною быстротою и отчетливостью... однимъ словомъ, экзаменъ былъ нешуточный и заставлялъ дрожать всякаго и нетрусливаго молодца... Послѣ всего вышесказаннаго продолжался экзаменъ по службѣ въ гарнизонѣ, и по службѣ полевой, и въ фундаментальномъ знаніи воинскаго устава. Только при вполнѣ удовлетворительномъ испытаніи подпрапорщики производились офицерами въ гвардію: въ противномъ же случаѣ они отставлялись отъ производства до слѣдующаго года или выпускались офицерами въ армейскіе полки.

Кавалерійскіе юнкера[1]) въ свою очередь требовались на такой же экзаменъ по верховой ѣздѣ и по всей кавалерійской службѣ. Такимъ образомъ, чтобы выйти въ гвардію, нельзя было ни въ какомъ случаѣ миновать страшнаго повѣрочнаго экзамена Великаго Князя... А я чуть было совсѣмъ не попалъ въ гвардію... и только потому, что поѣхалъ разъ на извозчикѣ...

Я долженъ вамъ сказать, что дисциплина въ наше время была очень строгая. Нижнимъ чинамъ воспрещалось ѣздить въ экипажахъ и на извозчикахъ, они должны были каждому встрѣчному офицеру становиться во фронтъ. Исключеній никакихъ не допускалось. Былъ ли то дворянинъ, графъ или князь, въ разсчетъ не принималось: разъ онъ нижній чинъ, онъ долженъ подчиняться всеобщей дисциплинѣ и всѣмъ правиламъ.

Мы, подпрапорщики и юнкера, считались нижними чинами и ѣздить намъ въ экипажахъ не полагалось, тогда какъ кадеты могли пользоваться этимъ удобствомъ, потому что они не числились на дѣйствительной службѣ...

---

[1]) Школа гвард. подпрапорщиковъ и юнкеровъ дѣлилась на 2 части: пѣхотную, которую составляли подпрапорщики, и кавалерійскую, въ которой находились юнкера; впослѣдствіи она была преобразована въ Николаевское кавалерійское училище.

И вотъ я при всей тогдашней строгости преступилъ этотъ законъ военной дисциплины... Впрочемъ, подождите, я вамъ разскажу все по порядку. Я помню этотъ день со всѣми подробностями, какъ-будто это случилось очень недавно; все пережитое мною за эти несчастные сутки и дольше врѣзалось въ мою память, потому что впечатлѣніе было ужъ очень сильное.

Въ одно лѣтнее воскресное утро я отправился въ отпускъ. Большая часть моихъ товарищей—тѣ, которымъ было гдѣ переночевать,—ушли еще наканунѣ; я же, надѣвъ мундиръ Преображенскаго полка, бѣлую портупею съ тесакомъ черезъ плечо и киверъ съ длиннымъ унтеръ-офицерскимъ султаномъ на голову, хотѣлъ было уже выйти изъ училища, какъ вдругъ замѣтилъ, что на дворѣ моросить мелкій дождь. Въ такую погоду намъ приказывалось одѣвать въ накидку наши солдатскія шинели: мы это не любили, потому что не считали достаточно элегантнымъ, но дѣлать было нечего: пришлось повиноваться и прикрыть красивый преображенскій мундиръ сѣрою, простою шинелью. Не знаю, какъ теперь, но въ наше время очень строго преслѣдовалось малѣйшее отступленіе отъ формы обмундированія, первый встрѣчный офицеръ сейчасъ же дѣлалъ замѣчаніе и отправлялъ назадъ въ училище. Надо правду сказать, что сами офицеры отъ младшихъ чиновъ до самыхъ старшихъ не позволяли себѣ никакихъ вольностей и строго придерживались установленной формы одежды.

Вышелъ я изъ нашей школы очень рано, и потому не могъ сразу отправиться туда, куда меня неудержимо влекло, т. е. къ моей тетушкѣ Бутурлиной; у нея жила молоденькая, хорошенькая воспитанница моихъ лѣтъ, нѣкто m-lle Ландсбергъ; она-то и была магнитомъ, притягивающимъ меня постоянно на дачу моей тетушки... Но тетушка вставала поздно, раньше двѣнадцати не выходила изъ своей комнаты, и мнѣ, несмотря на все мое нетерпѣливое желаніе, невозможно было явиться туда съ утра.

Я пошелъ въ казармы 1-го батальона Преображенскаго полка, на квартиру моего двоюроднаго брата Потулова, командовавшаго тогда 3-й фузилерной ротой, къ которой я и былъ причисленъ, кромѣ того въ полку служилъ тоже мой родной братъ, жившій съ Потуловымъ на одной квартирѣ. Я часто къ нимъ ходилъ и былъ поэтому знакомъ со всѣми офицерами полка.

Я, конечно, засталъ братьевъ въ такой ранній часъ дома, расположился у нихъ поудобнѣе и сталъ курить трубку за трубкой табаку Жукова — о папиросахъ тогда еще и понятія не имѣли. У насъ въ школѣ курить не дозволялось, и намъ приходилось это дѣлать потихоньку и рѣдко, поэтому мнѣ доставляло

истинное наслажденіе сидѣть, удобно развалившись въ креслѣ, и затягиваться, выпуская дымъ кольцами... Въ разговорахъ время прошло незамѣтно, и я въ часъ дня отправился къ тетушкѣ. Братья тоже хотѣли обѣдать у нея въ этотъ день, но имъ нечего было торопиться, они могли поѣхать на дачу въ экипажѣ: я же долженъ былъ идти пѣшкомъ, да и при томъ мнѣ хотѣлось быть у тетушки задолго до обѣда, чтобы имѣть возможность подольше побыть и поговорить съ m-lle Ландсбергъ.

Мое желаніе исполнилось: я явился къ тетушкѣ за полтора часа до обѣда и высидѣлъ съ нею цѣлыхъ полчаса, послѣ чего она сама отправила меня къ m-lle Ландсбергъ.

— Пойди, поищи ее... сказала она,—она тамъ гдѣ-то въ саду читаетъ.

Я, конечно, не заставилъ себя просить и побѣжалъ въ садъ.

Какъ сейчасъ помню маленькую зеленую скамеечку подъ высокимъ кустомъ распустившейся сирени, отъ которой по всему саду шелъ сильный ароматъ. Тамъ нашелъ я m-lle Ландсбергъ съ какой-то книгой въ рукахъ, и тамъ просидѣли мы вплоть до того момента, когда тетушка прислала насъ звать обѣдать... Мы и не замѣтили, что обѣденный часъ давно пробилъ, что въ гостиной тетушки собралось уже много гостей...

За обѣдомъ насъ, какъ младшихъ, посадили рядомъ, и я, забывъ все на свѣтѣ, весело и оживленно разговаривалъ со своей сосѣдкой. Когда всѣ встали изъ-за стола, ко мнѣ подошелъ мой братъ и сказалъ:

— А ты знаешь, братецъ, что уже 8 часовъ... Ты вѣдь въ школу опоздаешь!..

Я такъ и ахнулъ.

— Какъ, 8 часовъ?

Братъ засмѣялся.

— Посмотри на часы, коли не вѣришь,—отвѣчалъ онъ.—Я знаю, какъ время летитъ въ отпуску... А только ты берегись: начальство шутить не любитъ!

Въ наше время мы должны были являться въ школу къ 9-ти часамъ, то-есть до пробитія вечерней зори, если же кто запаздывалъ хоть на 5 минутъ, тотъ или подвергался аресту, или былъ лишенъ отпуска въ слѣдующее воскресеніе. Это правило строго соблюдалось, потому что командиръ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, нашъ строжайшій генералъ, баронъ Шлиппенбахъ, жилъ въ самой школѣ, всегда все зналъ и строго бы взыскалъ съ дежурнаго офицера, который снисходительно отнесся бы къ малѣйшему запозданію нашему въ школу.

Вспомнивъ все это, я стремглавъ бросился прощаться съ тетушкой; она, узнавъ, что я рискую опоздать въ училище, предложила мнѣ свою карету, но я наотрѣзъ отказался изъ боязни встрѣтиться съ начальствомъ. Тетка стала уговаривать меня, увѣряя, что никто не всматривается въ сидящихъ въ каретахъ, но я продолжалъ отказываться.

— Вы только себѣ представьте, тетушка, что вдругъ я встрѣчу Великаго Князя Михаила Павловича,—сказалъ я;—вѣдь тутъ ужъ не мнѣ одному достанется, а пострадаетъ все мое начальство и даже нашъ командиръ школы...

Трудно себѣ представить, какою грозою былъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ для насъ, военныхъ, отъ мала до велика: это могутъ только знать тѣ, кто въ мое время жили и служили!.. Отъ одной мысли, что Михаилъ Павловичъ можетъ самъ поймать меня на мѣстѣ преступленія, я пришелъ въ ужасъ и съ испугомъ сказалъ теткѣ:

— Нѣтъ, тетушка, Боже сохрани меня отъ кареты!!

Всѣ засмѣялись, и я, увѣряя тетушку, что успѣю скорымъ шагомъ добѣжать до школы во̀-время, откланялся всему обществу.

Я шелъ быстро, не останавливаясь, потому что не встрѣчалъ офицеровъ по дачнымъ улицамъ на островахъ, но все-таки мнѣ до Троицкаго моста оставалось далеко, и я все болѣе и болѣе убѣждался, что къ пробитію вечерней зори я не поспѣю. Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ помѣщалась въ мое время у Синяго моста на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь дворецъ покойной великой княгини Маріи Николаевны, такъ что отъ моста до училища мнѣ тоже оставался еще порядочный кусокъ разстоянія. Я почти бѣжалъ по тротуару, а грустныя мысли такъ и лѣзли въ мою юную голову; я себѣ уже представлялъ, какъ я явлюсь въ школу къ дежурному офицеру и меня сейчасъ же посадятъ въ карцеръ, а что̀ еще хуже— лишатъ отпуска въ слѣдующее воскресенье. Отъ этой мысли мнѣ ужъ совсѣмъ сдѣлалось тоскливо; цѣлыя двѣ недѣли не видѣть m-lle Ландсбергъ, не сидѣть съ ней въ саду подъ пахучей сиренью, показалось мнѣ ужаснымъ, и я рѣшился на отчаянный шагъ.

Какъ разъ мнѣ навстрѣчу ѣхалъ пустой извозчикъ, я его нанялъ везти меня черезъ Троицкій мостъ. Тамъ я думалъ сойти съ дрожекъ и опять пѣшкомъ пробѣжать по Большой Милліонной, черезъ Дворцовую площадь и достигнуть Синяго моста и школы. Я объяснилъ извозчику, что онъ долженъ зорко смотрѣть впередъ и какъ только замѣтитъ офицера, остановиться, предупредить меня и, давъ мнѣ сойти съ дрожекъ, ѣхать шагомъ впередъ и ждать меня. Мой

возница оказался смышленымъ малымъ, онъ сейчасъ же сообразилъ, въ чемъ дѣло, и мы съ нимъ весело покатили по мостовой.

У самаго Троицкаго моста извозчикъ вдругъ остановился и быстро прошепталъ мнѣ:

— Баринъ, военный идетъ!

Я соскочилъ съ дрожекъ и пошелъ навстрѣчу офицеру. Какъ сейчасъ вижу его передъ собой: это былъ полковникъ путей сообщенія въ серебряныхъ эполетахъ и трехъугольной шляпѣ съ чернымъ султаномъ, онъ велъ подъ руку молодую даму. Я, какъ полагалось тогда, сталъ во фронтъ и, пропустивъ полковника мимо себя, догналъ своего извозчика, вскочилъ въ дрожки и поѣхалъ дальше. Не скажу, чтобъ я находился тогда въ спокойномъ состояніи духа; наоборотъ, я все время вглядывался тревожно въ даль, боясь увидѣть офицера. Въ наше время можно было на большомъ разстояніи отличать офицеровъ, потому что они всѣ носили трехъугольныя шляпы съ султанами, пѣхотные—изъ черныхъ перьевъ, кавалерійскіе—изъ бѣлыхъ. Эти султаны были видны издали...

Мой извозчикъ не дремалъ и поглядывалъ во всѣ стороны. Мостъ мы проѣхали благополучно и должны были уже въѣхать на мостовую, какъ вдругъ извозчикъ, внезапно обернувшись, испуганно проговорилъ:

— Сударь, два генерала насъ догоняютъ въ коляскѣ; прикажете остановиться?!

Я обомлѣлъ отъ страха... взглянулъ назадъ и увидѣлъ генерала Шлиппенбаха съ другимъ генераломъ, сидѣвшихъ въ нагонявшей насъ коляскѣ .. Совершенно растерявшись, я крикнулъ извозчику:

— Пошелъ скорѣй съ моста налѣво, къ дому Гоголя!

Признаюсь, я думалъ соскочить съ дрожекъ у дома Гоголя и улизнуть въ калитку... Мой возница хлестнулъ лошадь, но было поздно: коляска перерѣзала намъ дорогу, и кучеръ крикнулъ:

— Остановись, извозчикъ!

Мы стали. Я выскочилъ на мостовую и вытянулся въ струнку. Сердце мое колотилось въ груди, безсвязныя мысли мелькали въ головѣ...

Баронъ Шлиппенбахъ подозвалъ меня ближе; я подошелъ къ нему и, держа руку у козырька, смотрѣлъ на генераловъ, какъ на колокольню; тогда была мода дѣлать высокіе экипажи, и мнѣ, стоявшему на землѣ, приходилось высоко подымать голову, чтобы смотрѣть въ лицо своему разгнѣванному начальству. Генералъ нѣсколько минутъ въ упоръ смотрѣлъ на меня своими блестѣвшими отъ бѣшенства, какъ мнѣ казалось, глазами; наконецъ, онъ рѣзко произнесъ:

— Что вы дѣлаете, недостойный подпрапорщикъ? Какъ вы осмѣливаетесь преступать военный уставъ и ѣздить на извозчикѣ, когда вы должны на каждомъ шагу отдавать честь офицерамъ? Вы—негодный подпрапорщикъ! Я васъ вышвырну изъ школы! Завтра же доложу о васъ Великому Князю. и вамъ не видать гвардіи, какъ своихъ ушей!.. Ступайте въ школу, явитесь дежурному офицеру и чтобъ онъ сейчасъ посадилъ васъ въ карцеръ!

Лошади загремѣли копытами, коляска проѣхала мимо меня, а я все стоялъ, не двигаясь съ мѣста. Затѣмъ, быстро повернувшись, я скорымъ шагомъ пошелъ къ школѣ. Я былъ въ полномъ отчаяніи: мнѣ казалось, что для меня все было кончено; въ гвардію я не попаду, выкинутъ меня въ армію съ тѣмъ же унтеръ-офицерскимъ званіемъ—и прощай моя карьера! Кромѣ всѣхъ этихъ грустныхъ мыслей, меня еще мучило чувство обиды, вызванное грубымъ тономъ барона Шлиппенбаха и его словами: вы—негодный прапорщикъ!—Точно онъ хотѣлъ сказать: вы—негодяй!—Я самъ на себя злился, что смолчалъ, что не протестовалъ, какъ это сдѣлалъ однажды нашей же школы юнкеръ л.-гв. Измайловскаго полка, князь Урусовъ. Онъ не вынесъ грубой брани Шлиппенбаха и сдѣлалъ движеніе, точно хотѣлъ броситься на командира; это было въ присутствіи цѣлой роты... Его сейчасъ же отвели подъ арестъ, черезъ нѣсколько дней исключили изъ школы, перевели на Кавказъ и чуть-ли не разжаловали до выслуги... Да, въ наше время строго карали дѣйствія, противныя военной дисциплинѣ... У князя Урусова были большія связи: его родной братъ былъ флигель-адъютантомъ у Государя Николая Павловича, а отецъ занималъ одну изъ высшихъ должностей; но въ старое время не смотрѣли ни на личность, ни на званіе, ни на связи. Поступокъ князя Урусова являлся въ глазахъ нашихъ, т. е. подпрапорщиковъ и юнкеровъ, чѣмъ-то доблестнымъ, благороднымъ... и вотъ меня мучило, что я не поступилъ, какъ онъ, что я безропотно выслушалъ брань своего начальника. Самолюбіе мое страдало... Мучительно тоже было для самолюбія ожидать дальнѣйшія послѣдствія этой непріятной встрѣчи. Недавно бывшій у насъ случай съ княземъ Барятинскимъ невольно вспомнился мнѣ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ.

Я былъ очень хорошъ съ Барятинскимъ, хотя онъ былъ кавалерійскимъ юнкеромъ и жилъ въ среднемъ этажѣ, тогда какъ мы, пѣхотные, занимали верхній этажъ: намъ позволялось въ свободное отъ занятій время посѣщать другъ друга, что̀ мы постоянно и дѣлали. Кромѣ того, насъ соединяли на одинъ общій урокъ математики, который длился два часа. Математика нагоняла скуку и на пѣхоту и на кавалерію, и многіе изъ насъ выходили потихоньку

изъ класса и курили украдкой въ печку. У этой печки мы часто сталкивались съ Барятинскимъ и понемногу сошлись. Это былъ добрый малый, очень любившій попить и покутить. Ему это легко было дѣлать, потому что онъ обладалъ большими средствами. И вотъ въ одинъ изъ праздничныхъ дней, когда мы всѣ были въ отпуску, князь Барятинскій съ товарищами такъ кутнули на этотъ разъ, что вышелъ скандалъ, который огласился по всему Петербургу. Вслѣдъ за этимъ, какъ только мы вернулись изъ отпуска, командиръ велѣлъ собрать всѣхъ, и пѣхотную роту, и кавалерійскій эскадронъ внизу, въ учебной залѣ. Этотъ необыкновенный сборъ предвѣщалъ, конечно, большую бурю.

Въ назначенный часъ насъ всѣхъ построили въ большой учебной залѣ, одну часть противъ другой; пѣхота въ 3-хшереножномъ строю, а кавалерія—въ двѣ шеренги. При частяхъ находились наши ближайшіе начальники. Наши офицеры суетились, волновались, шептались... Наконецъ, раздалась команда: смирно!—и въ залу вошелъ Шлиппенбахъ. Какъ только онъ вошелъ, къ нему стали подходить съ рапортомъ сначала дежурные офицеры, а потомъ и подпрапорщики и юнкера. Видъ командира былъ крайне суровый: онъ не сказалъ ни одного слова офицерамъ, затѣмъ сухо поздоровался съ нами, пѣхотными, а съ юнкерами совсѣмъ не поздоровался и вызвалъ на середину Барятинскаго и кутившихъ съ нимъ товарищей...

Что ужь тутъ было—трудно описать. Это былъ такой взрывъ бѣшенства, какой, къ счастью, рѣдко приходится видѣть. Особенно памятны мнѣ слова, сказанныя командиромъ Барятинскому:

— Вы не князь, а—грязь! Я въ гвардію, въ офицеры васъ не выпущу!

И, дѣйствительно, Шлиппенбахъ сдержалъ свое слово: Барятинскій въ гвардію не попалъ. Къ слову скажу, что этотъ самый кн. Барятинскій былъ впослѣдствіи главнокомандующимъ на Кавказѣ и за плѣненіе знаменитаго Шамиля былъ возведенъ въ фельдмаршалы...

Только-что описанная мною сцена ясно рисовалась въ моемъ воображеніи, пока я шагалъ по Милліонной, по направленію къ училищу. Я уже представлялъ себѣ, какъ опять соберутъ всю школу въ учебную залу, какъ бар. Шлиппенбахъ вызоветъ меня на середину и начнетъ разносить... Отъ этой мысли у меня остановилось дыханіе...

Между тѣмъ, я подошелъ къ училищу и, конечно, очень опоздалъ,—былъ уже десятый часъ. Я явился дежурному офицеру и сію же минуту былъ отправленъ подъ арестъ.

Затѣмъ я просидѣлъ въ карцерѣ шесть дней, изъ которыхъ двое

сутокъ—на хлѣбѣ и на водѣ, безъ всякой другой пищи. Я былъ въ отвратительномъ состояніи духа, ожидая все время, что вотъ-вотъ меня потребуютъ въ учебную залу, гдѣ будетъ собрана вся школа. Наконецъ, въ субботу къ вечеру защелкалъ замокъ въ дверяхъ, и въ карцеръ вошелъ нашъ фельдфебель. Сердце у меня упало... Фельдфебель объявилъ мнѣ, что ротный командиръ приказалъ освободить меня изъ-подъ ареста, но что меня не будутъ пускать въ отпускъ цѣлый мѣсяцъ. Я вздохнулъ съ облегченіемъ... Затѣмъ фельдфебель сообщилъ мнѣ по секрету, что школьное начальство предполагало первоначально исключить меня изъ школы за сдѣланное мною преступленіе по службѣ, но что ротный командиръ и инспекторъ классовъ были противъ этого и отстаивали меня, объясняя мой поступокъ большою молодостью; я былъ дѣйствительно моложе чуть-ли не всѣхъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ нашей школы. Это обстоятельство смягчило Шлиппенбаха, и онъ согласился не исключать меня, но оставить на второй годъ во 2-мъ классѣ, а это имѣло вліяніе не только на мое производство въ офицеры, но и на дальнѣйшія производства въ слѣдующіе чины: всѣ мои товарищи стали выше меня по старшинству.

Дѣдушка замолчалъ, подумалъ съ минуту и прибавилъ:

— Да, вотъ какая строгость была въ наше время! Но зато военная служба переработывала, такъ сказать, переформировывала молодыхъ людей, пріучала ихъ къ безпрекословному повиновенію старшимъ и тѣмъ впослѣдствіи подготовляла офицеровъ самостоятельныхъ, пригодныхъ и способныхъ управлять воинскою частью, потому что старая истина: чтобы умѣть командовать, надо умѣть повиноваться—неопровержима, и ее слѣдуетъ помнить во всякое время—старое и новое.

А. К.